

Марк Бойков

Пороги и перекаты
прогресса. XX в.

Философская публицистика. Эссе

Марк Бойков

**Пороги и перекаты
прогресса. XX в.**

«Литературная Республика»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Бойков М. В.

Пороги и перекааты прогресса. XX в. / М. В. Бойков —
«Литературная Республика», 2018 — (Философская
публицистика. Эссе)

ISBN 978-5-7949-0642-4

Данная книга не занимается выстраиванием всех происшедших в канувшем столетии событий во временной или логической последовательности, увязыванием их по значимости или последствиям в соответствии с теми или иными концепциями. История принадлежит всем, тогда как прогресс предпочитает очередность. Однако и он далек от линейности и размеренности, по-разному катит страны и народы по своим порогам и перекаатам, сталкивая и перемешивая их интересы и волю. Автор, минуя академические, разноликие, многоярусные и пудовые творения, предлагает свою версию обретений, поражений и возможностей, постигших советский народ на излете XX века, с которыми широкому читателю было бы не грех ознакомиться.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0642-4

© Бойков М. В., 2018
© Литературная Республика, 2018

Содержание

I. Введение. Какие вопросы решал XX век?	6
II. Реквием Сталину	8
Часть 1	10
Часть 2	14
Часть 3	17
III. Почему не состоялся коммунизм	20
1. Кто виноват?	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марк Бойков

Пороги и перека́ты прогресса. XX в.

© Бойков М. В., 2018

© Московская городская организация Союза писателей России, 2018

© НП «Литературная Республика», 2018

* * *

Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его.

К.Маркс. «Тезисы о Фейербахе» (1).

I. Введение. Какие вопросы решал XX век?

Империалистическая борьба начала XX века за передел колониального мира привела к 1-й мировой войне. Естественным образом она отозвалась обострением классовой борьбы в странах-участниках мирового конфликта. Оказавшаяся «слабым звеном» царская Россия в результате социалистической революции вышла из мировой бойни.

Это отнюдь не марксистская интерпретация событий того времени. Это – фактическая реальность, зафиксированная в политических документах и историографии. Но это лишь внешняя оболочка событий начала XX в. А скрытые в ее тенетах внутренние противоречия зрели давно.

Империалисты решали в войне *свои* вопросы, а их антипод, пролетариат, еще только начинал сознавать собственные цели, главная из которых была выражена в прозорливых трудах классиков марксизма-ленинизма.

В чем она? Это – **уничтожение классов** как непосредственной причины всех несправедливостей и войн в человеческом обществе.

Еще в «Принципах коммунизма», предваряющих совместный с Марксом «Манифест Коммунистической партии» Энгельс писал: «...с одной стороны, общество, организованное на коммунистических началах, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой, само строительство этого общества дает средства для уничтожения классовых различий» (2).

В «Немецкой идеологии» классики писали: «...коммунистическая революция... уничтожает господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами, потому что эта революция совершается тем классом, который в обществе уже не считается более классом, не признается в качестве класса и является уже выражением разложения всех классов...» (3).

«Мы хотим уничтожения классов, – говорил Ф.Энгельс в речи на конференции 21 сентября 1871 года. – Единственное средство – политическая власть в руках пролетариата...» (4).

«Уничтожение классов – наше основное требование, без него уничтожение классового господства... – бессмыслица», – писал Энгельс в замечаниях к Эрфуртской программе 1891 года (5).

В.И.Ленин, опираясь на классику марксистского наследия, сделал исчерпывающее резюме о предмете исторического действия пролетариата: «Мы говорим: наша цель, как цель всемирного социализма, есть уничтожение классов...» (6). «Все знают, что марксизм есть теоретическое обоснование уничтожения классов» (7).

Сегодня, если воспользоваться ленинской терминологией, все, кто мало-мальски знаком с марксизмом, прекрасно знают, какая участь ждет классы. Пролетариат устанавливал диктатуру **не** для собственного господства, как это делалось классами господ прежде, а для ликвидации всех классов и всякого господства. Классы поэтому подлежат устранению: «уничтожению» или «отмене». Однако никто, даже из академиков, не знает, **когда и как** это должно произойти. Все забыли, что «...к уничтожению классов, – как говорил Ленин, – ведет **только** переходная стадия диктатуры угнетенного класса» (8), что «...для уничтожения классов, – повторял он, – необходима **временная** диктатура угнетенного класса» /выделено мной – БМВ/ (9).

Происшедший на излете хрущевской оттепели обрыв коммунистического строительства, последовавшие далее застойные десятилетия, блудливая горбачевская перестройка, а затем и либеральная измена руководства РФ в конце XX века поставили под вопрос реальность коммунистической идеи. А, между тем, никакой иной позитивной перспективы у человечества нет.

По очень простой причине: капитализм с его эгоистическими классами, слоями и элитой – тупик человечества. Человечество рискует погрязнуть в буржуазной междоусобице за те самые ресурсы, которые были скрытым мотивом всех захватнических войн на протяжении

тысячелетий, толкающим роды, классы и целые народы к перекраиванию карт, границ и владений.

Война – лишь крайняя степень наглости в этой борьбе, мотивы же и многообразная борьба в разной степени изощренности – суть метастазы, разъедающие все человечество изначально. Умники при этом занимаются наукой, писатели и артисты славой, партийные вожди показным служением, а человечество до сих пор подвергается унижению, харкает кровью, слепнет от лживой пропаганды и стадом направляется к пропасти.

Спасти человечество может только возврат к марксизму-ленинизму, указывающему истинные корни человеческих бед и освобождение от их цепей. Он заключается в отмене классовой парадигмы исторического развития, к осознанному переходу в бесклассовое состояние, т. е. к равенству и справедливости в общественных взаимоотношениях всех людей и народов.

II. Реквием Сталину

Вступление:

В отличие от Дмитрия Кабалевского (1904–1987 гг.), написавшего музыкальный реквием Ленину, я – философ, и воздать должное Сталину могу лишь словами.

Это он, Иосиф Виссарионович, главный знаменосец социализма, виноват в его гибели. Его жизнь по-своему трагична. В продолжение всего своего правления он вынужден был в практике исправлять то, что теоретически заложил в Конституции. Пока был жив, ему это относительно удавалось. Последующие же генсеки, не разгадав его тайны, уверенно вели социализм к поражению.

В чем тут загвоздка?

Нет, не в репрессиях, а в том, что их спровоцировало. В искажении марксизма и соответствующем изломе социализма. Мы взяли старт с выбитым позвонком в хребте и ни разу не остановились, чтобы вправить его. Удивительно ли, что нас обходят?

И. СТАЛИН. О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР.

Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов
25 ноября 1936 г.

...

II. Изменения в жизни СССР за период от 1924 года до 1936 года.

...

*Сообразно с этими изменениями в области экономики СССР изменилась и **классовая структура** нашего общества.*

Класс помещиков, как известно, был уже ликвидирован в результате победоносного окончания гражданской войны. Что касается других эксплуататорских классов, то они разделили судьбу класса помещиков. Не стало класса капиталистов в области промышленности. Не стало класса кулаков в области сельского хозяйства. Не стало купцов и спекулянтов в области товарооборота. Все эксплуататорские классы оказались, таким образом, ликвидированными.

Остался рабочий класс.

Остался класс крестьян.

Осталась интеллигенция.

Но было бы ошибочно думать, что эти социальные группы не претерпели за это время никаких изменений, что они остались такими же, какими они были, скажем, в период капитализма.

Взять, например, рабочий класс СССР. Его часто называют по старой памяти пролетариатом. Но что такое пролетариат? Пролетариат есть класс, лишенный орудий и средств производства при системе хозяйства, когда орудия и средства производства принадлежат капиталистам и когда класс капиталистов эксплуатирует пролетариат... Но у нас класс капиталистов, как известно, уже ликвидирован, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и переданы государству... Стало быть, наш рабочий класс не только не лишен орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет совместно со всем народом. А раз он ими владеет, а класс капиталистов ликвидирован, – исключена всякая возможность эксплуатации рабочего класса. Можно ли после этого назвать рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя... А что это значит? Это значит, что пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему

хозяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий советское общество по пути коммунизма.

Как видите, рабочий класс СССР это – совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества.

Перейдем к вопросу о крестьянстве. Обычно принято говорить, что крестьянство – это такой класс мелких производителей, члены которого атомизированы, разбросаны по лицу всей страны, копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплуатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п. И действительно, крестьянство в капиталистических странах, если иметь в виду его основную массу, является таким именно классом. Можно ли сказать, что наше современное крестьянство, советское крестьянство, в своей массе похоже на подобное крестьянство? Нет, нельзя этого сказать. Такого крестьянства у нас уже нет. Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством... наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство... наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, т. е. оно базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда.

Как видите, советское крестьянство – это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества.

Перейдем, наконец, к вопросу об интеллигенции, к вопросу об инженерно-технических работниках, о работниках культурного фронта, о служащих вообще и т. п. Она также претерпела большие изменения за истекший период... Наша советская интеллигенция это – совершенно новая интеллигенция, связанная всеми корнями с рабочим классом и крестьянством. Изменился, во-первых, состав интеллигенции. Выходцы из дворянства и буржуазии составляют небольшой процент нашей советской интеллигенции. 80-90 процентов советской интеллигенции – это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся. Изменился, наконец, и самый характер деятельности интеллигенции. Раньше она должна была служить богатым классам, ибо у нее не было другого выхода. Теперь она должна служить народу, ибо не стало больше эксплуататорских классов. И именно поэтому она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества.

Как видите, это совершенно новая, трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара.

Таковы изменения, происшедшие за истекшее время в области классовой структуры советского общества.

...

И.Сталин. Вопросы ленинизма. ГПИ, 1952, с.с. 548-550.

Часть 1

Вывод, который мы получаем из прочтения: социализм, по Сталину, есть *«классовое общество»*, с *«совершенно новыми классами»*.

Но так ли это?

Вопрос не праздный, даже сегодня. Поскольку и прошлое надо понять и в будущем не ошибиться.

Дело, конечно, не в том, назвать ли рабочих и крестьян классами, соответственно, и социализм – классовым, а в том, что из этого следует. Не в названиях дело, а в сути вещей. Ведь даже сегодня оттого, называете ли вы «новых русских» буржуазией или ворами, зависит, будете ли вы против них проводить революцию или, законно вернув себе власть, привлечете их к уголовной ответственности. И, следовательно, развернете или экспроприацию посредством рекомов или конфискацию по решению суда. Стало быть, оттого, что вы видите за названием, зависит, примут ли ваши действия характер широких репрессий или же справедливого, адресного и соразмерного взыскания.

Пушкин, между прочим, говорил, что, если бы люди точно называли вещи своими именами, они избавились бы от половины заблуждений. Добавим: и от половины, если не более, неправильных действий. А, следовательно, – и трагедий. Люди, которые относятся к вещам не по их сути, а по тому, нравятся они им или нет, не могут быть вершителями своих судеб. Поэтому вопрос о социализме не только не праздный, он – краеугольный. От ответа на него зависели и зависят судьбы многих людей и поколений. Как и посмертная память о самом Сталине.

Обычно Сталина судят не за то, в чем он действительно виноват. Поэтому цель данной попытки состоит в том, чтобы от несправедливых обвинений в его адрес перейти к справедливым суждениям о нем. Все остальное сделает история, на которую он так любил ссылаться. С истории же и начнем.

Еще в первом Манифесте К.Маркс и Ф.Энгельс предупреждали: «Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращается в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой устраняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса» (1).

В тех же Сочинениях, совместно и порознь, то же подтверждали и далее:

К.Маркс: «...диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» (2).

Ф.Энгельс: *«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности»* /выделено Энгельсом/ (3,4.).

Энгельс выступил даже как пророк, с научной точностью предрекая:

«...должен произойти переворот в способе производства и распределения, устраняющий все классовые различия, чтобы все современное общество не оказалось обреченным на гибель» /выделено мной – БМВ/ (5).

Размышляя «О социальном вопросе в России», он фатально предсказал:

«Только на известной... ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не

повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства» /выделено мной – БМВ/ (6).

Да, с «отменой классовых различий» мы изрядно задержались – и поплатились «застоем и даже упадком в общественном способе производства». К сожалению, для многих после Сталина Маркс и Энгельс уже не авторитеты. Сегодня беднота жмется к «отцу народов» как символу эпохи. От безысходности и беззащитности. Обездоленность и безнадежность всегда рожают мифы о заступничестве богов и героев.

Но вот что говорил в продолжение и подтверждение классиков о классах действительный борец за интересы трудящихся, ученый Владимир Ленин.

В «Проекте программы Российской Соц. – Дем. Рабочей Партии» в 1902 г. он отметил: «VIII. Эта революция пролетариата совершенно уничтожит деление общества на классы, а, следовательно, и всякое социальное и политическое неравенство, вытекающее из этого деления» (7).

В Проекте и второй Программе РКП (б) в 1919 г.: «Заменяя частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою» (8).

Обратите внимание: не социализм /как сообщали учебники/ уничтожит классы, а, по Ленину – «революция пролетариата» и не отдельные /скажем, эксплуататорские/, а само «деление на классы», т. е. все и всяческие. Марксизм никогда не смешивал понятие «уничтожение классов» с физическим уничтожением людей, их составляющих. В отличие от некоторых.

Ленин был верным марксистом и во избежание неверных толкований и недоразумений постоянно разъяснял основные концептуальные положения:

«Все знают, что марксизм есть теоретическое обоснование уничтожения классов» (9).

«Господство авангарда всех трудящихся и эксплуатируемых, т. е. пролетариата, необходимо на это переходное время для полного уничтожения классов» (10, *выделено Лениным*).

«Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество» (11).

«И классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы» (12).

«... социализм будет тогда, когда не будет классов, когда все орудия производства будут в руках трудящихся» (13).

«Будет диктатура пролетариата. Потом будет бесклассовое общество» (14).

«Сейчас, проходя ваш зал, я встретил плакат с надписью: «Царству рабочих и крестьян не будет конца». И, когда я прочитал этот странный плакат, ... я подумал: а ведь вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание. В самом деле, если бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает уничтожение классов, а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, не может быть полного социализма» (15).

И все это не за семью печатями, не в секретных хранилищах. Это – в библиотеках, государственных и личных, в приемных и рабочих кабинетах институтов и культурных учреждений. Я цитирую /а это крохи из того, что можно процитировать/ не для того, чтобы укрыться за авторитеты, а чтобы читатель мог отличить марксизм и сталинизм, марксизм и собственные взгляды в одном из самых основных вопросов истории, в вопросе о классах.

Следует отметить, что и сам И.Сталин в Отчетном докладе XVII партсъезду 26 января 1934 года еще заявлял: «Взять, например, вопрос о построении *бесклассового социалисти-*

ческого общества. XVII Конференция партии сказала, что мы идем к созданию бесклассового, социалистического общества. Понятно, что бесклассовое общество не может прийти в порядке, так сказать, самотека» /выделено Сталиным/ (16).

Вторила ему и партийная пресса, подтверждая общую верность ленинизму вплоть до принятия Конституции:

«Советская страна под руководством Ленина-Сталина завершает построение бесклассового социалистического общества»/Передовая статья ж. «Большевик» № 8, 1936, с. 39/ (17).

«Новое в решениях февральского (1935 года) Пленума ЦК ВКП/б/ и VII съезда Советов – превращение нашего общества в бесклассовое, социалистическое»/П.Юдин. «О государстве при социализме»/ (18).

«Поскольку ликвидированы основы классовых различий между рабочим и крестьянином и ликвидированы эксплуататорские классы, наша страна пролетарской диктатуры вступила в бесклассовое общество»/Як. Берман. «О формах собственности в СССР»/ (19).

«Вторая после завоевания диктатуры пролетариата всемирно-историческая задача – построение бесклассового, социалистического общества в СССР – в основном решена»/А.Стецкий. «О ликвидации классов в СССР»/ (20).

И все же И.Сталин объявляет победивший социализм «классовым обществом». Как это понять? Почему? Зачем?

Ответ находим в том же докладе «О проекте Конституции Союза ССР»:

«Я должен признать, – без обиняков говорит тов. Сталин, – что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР. (*Бурные аплодисменты*)» (21).

С точки зрения марксистской теории, все абсолютно ясно: предмет, ради которого сохраняются «классы», это «диктатура рабочего класса». Даже не «руководящее положение КПСС», которое при доверии масс вполне могло сохраниться и без диктатуры. Однако если признать социализм именно бесклассовым обществом и считать его победившим, то диктатура класса становится ненужной и подлежит упразднению.

В чем же тогда интерес сохранения «диктатуры рабочего класса», т. е. всей пирамиды и структуры власти? Исключительно личный, отнюдь не общественный /несмотря на «бурные аплодисменты»/. Ибо при действительном отсутствии пролетариата как класса сохраненная «диктатура» легко превращается в диктатуру личности с «приводным ремнем» в лице партии.

Что состоявшаяся подделка в теории это не ошибка, доказывает упомянутое здесь выступление Сталина в 1934 году. Что это не забывчивость, доказывает приведенная выше заставка из доклада «О проекте Конституции Союза ССР», где тщательно подобраны слова об изменчивости классовой структуры. Следовательно, все произошло по умыслу. Злому или доброму – другой вопрос, но преднамеренно и расчетливо.

Разумеется, возможны и другие объяснения. Сталин захотел, скажем, оставить диктатуру пролетариата в связи с нарастающей угрозой со стороны фашистской Германии. Однако мы знаем теперь, как недоверчиво он относился к донесениям советской разведки вплоть до самого начала войны. Знаем и то, что после войны «диктатура» не была отменена. Возможно, его грех против марксизма и концентрация власти в руках вызваны просто незнанием, а как управлять страной дальше и по-другому. Но что мешало обратиться к коллективному разуму партии? Напротив, после принятия Конституции всякие дискуссии были прекращены, либо санкционировались в строго заданном направлении и с заведомым результатом.

Так простым теоретическим вывертом, неприметным для масс, Сталин обосновал сохранение «диктатуры пролетариата» и получил в руки власть, не соизмеримую по масштабам с властью царей, императоров, президентов. Это была уже вторая /после того как администраторскую должность генсека, еще при болезни Ленина, он превратил в пост № 1/ скрытая под-

мена – теперь с государственной властью, – с помощью которой он придал ей иной смысл и значение.

По существу, под завесой рассуждений о классах и одобрительные раскаты аплодисментов состоялся скрытый государственный переворот. Но не с целью репрессий, как многим кажется, а во имя усиления и несменяемости личной власти.

Последствия из этого вышли трагичные. Скорее всего, Сталин сам их не ожидал. Но цепь их не прекращается и поныне. Сконцентрировав в своих руках непомерную власть, Сталин уже не мог с нею сполна управляться. Как и последующие генсеки. Произошло то, о чем предупреждал В.И. Ленин в известном «Письме к съезду», которое утаили и от партии и народа: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью» (22).

Развернувшиеся следом репрессии тому свидетельство. Они стали не следствием усиления власти, а скорее – от недостатка ее управляемости. И произошли не потому, что Сталин хотел их, а помимо его воли, которые стали объективным результатом его намеренного искажения марксизма.

Короче, не в «злой воле», а в подтасовке положений марксизма – вина Сталина. В правке доктрины под свой интерес. Практически он загнал себя в тупик и лишь изредка мог исправлять ситуацию «ручным вмешательством».

Та «злая воля», в которой обвиняют Сталина «демократы», если и имела место, могла настичь лишь небольшое число лиц /прямых противников или зреющих конкурентов/: 300 человек или 3 тыс., максимум – 30 тыс., но никак не сотни тысяч и не миллионы. А вот теоретический подлог, который он совершил, позволил воле миллионов стать «злой». Массовость репрессий выражается не столько количеством жертв, сколько деятельным участием в них гонителей и преследователей, как искренних, по чести и совести, так и по умыслу и расчету, как среди коммунистов, так и среди беспартийных. Собственно здесь таится трагизм той жизни и... комизм нынешних передержек злобствующих либеральных демагогов. Чтобы обвинить Сталина, следовало хорошо знать марксизм!

Поскольку страна вступила в новую фазу развития, в ней сразу же обозначились различия во взглядах на новые цели и задачи, приемы и способы их реализации. Развернулась борьба с новым историческим содержанием, но мерилom оставались прежние мерки. Соперники в чем-либо относились друг к другу в соответствии с привычными установками, как к классовому противнику, и часто решали свои споры и конфликты с помощью сохранившейся машины подавления.

Так абсолютизация классового деления общества и вынос «диктатуры пролетариата» за рамки исторического предназначения обернулись народной трагедией, изломом в его исторической судьбе.

Часть 2

– Но ведь рабочие и крестьяне всё же оставались? – спросит читатель. – Кем же они были, если не классами?

Слоями. Равноправными, наряду с интеллигенцией, социальными слоями. Вследствие сохранившегося разделения труда. Классы вообще ведут свое происхождение из слоев, состоят из слоев и превращаются в слои, когда заканчивают свое существование.

Исторически социальное разделение труда делит общество на слои по роду занятий. Охотники, скотоводы, собиратели, земледельцы. Возникающий между ними обмен продуктами (поначалу внешний – между слоями, а затем и внутренний – между семьями и лицами) делит трудовые слои на богатых и бедных. В силу образующейся разницы в имущественном положении богатые получают выигрышные условия обмена и, постепенно накапливая, присваивают не только конечный продукт, но и исходный пункт труда: орудия и средства производства, превращая их в свою собственность.

В результате, образовавшаяся частная собственность на средства производства (ее не следует путать с личной, имущественной) закрепляет расслоение общества в форме классов. Слой богатых, превратившихся в частных собственников средств производства, становится эксплуататорским классом, беднеющие и трудящиеся слои – классом эксплуатируемых.

Таким образом, в основе деления общества на классы лежит закон разделения труда. Разделение труда – более глубинное, коренное, фундаментальное явление, чем классы. Возникает раньше и исчезает после классов. С новым разделением труда возникает и новое деление общества на классы. Так было при смене рабовладения феодализмом (крепостничеством), крепостничества – капитализмом. Как антиподы, а другими они быть не могут, классы вместе возникают и вместе же сходят с исторической сцены.

Как люди, они могут оставаться жить, но в другом качестве, иной общественной связи, на другом положении. Однако если вы устранили рабовладельца, вы никак не можете сохранить раба /у кого же ему быть рабом, если не стало хозяев/; уничтожив помещика, – уберечь крепостного; ликвидировав буржуа, – сохранить пролетария. Вообще нельзя, устранив эксплуататора, сохранить эксплуатируемого как класс. Такова диалектика.

Все это прекрасно исследовано и изложено в книге Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Поэтому, когда Сталин, провозглашая о победе социализма, говорил о «ликвидации всех эксплуататорских классов», он имел все основания говорить и об исчезновении всех эксплуатируемых классов. Тем более что никакого нового разделения труда, чтобы говорить о предпосылках «совершенно новых классов», при нем зафиксировано не было.

Поскольку все стали тружениками, общество стало бесклассовым. Именно труд в его разделении /а не разница в отношениях собственности/ стал определять социальную структуру общества. Собственность, приняв общественную форму, совпадающую с общественным характером труда, перестала разделять людей на классы. Ибо заводами и фабриками с момента обобществления владеют не только рабочие, но и крестьяне и интеллигенция. Землей владеют не только крестьяне, но и рабочие и интеллигенция. Средствами духовного производства владеют не только интеллигенция, но и рабочие и крестьяне. Собственность, перестав быть частной, перестает быть классово образующей. Более того, поскольку с трудящихся слоев снята форма пожизненной классовой привязки, каждый их представитель теперь мог свободно переходить из одного слоя в другой, менять род деятельности, проявлять и развивать все свои человеческие способности, становиться более универсальной личностью. В этом заключается великий смысл уничтожения классов и вытекающего отсюда развития человека.

Но Сталин «консервирует» классы, чтобы сохранить «диктатуру». Он начинает разговор об изменении не социальной структуры, что было бы более правильным с научной точки зрения. Нет, он сразу же сужает вопрос к «изменениям классовой структуры», т. е. направляет разговор на частности вне общего знаменателя, признает изменения лишь в рамках отдельного качества. Поэтому и выходит, что классы изменились «совершенно», но остались «классами». Логика умопомрачительная! Просто – nonsense!

При этом он не только смешал исторический анализ с семантическим, он подменил первый вторым, глубинный – поверхностным, сведя дело к предпочтительности того или иного синонима, хотя в марксизме «пролетариат» и «рабочий класс» в качестве понятий из-за тождественности научного смысла всегда считались равнодействующими.

Разумеется, социальная структура, как основа общества, не носит замкнутого, самодовлеющего в себе значения. И от того, является ли общество классовым или нет, зависит многое и, в частности, *каковой* в своем соответствии должна быть надстройка. Если общество классовое, то и государство в нем – по закону определяющей роли базиса – есть орган политического господства экономически господствующего класса. Если же оно *не*классовое, то ему должна соответствовать и *не*классовая же надстройка, то есть, государственность самоуправляющегося народа, полу-государство, отмирающее государство.

Нет классов, некому господствовать и некого подчинять. Управление становится неполитическим, управлением в интересах всех, а не какой-либо отдельной группы или слоя. Иначе говоря, управление принимает форму не навязанного кем-то диктата, а – самоуправления всех. С использованием науки, учитывающей как ближайшие, так и более отдаленные последствия в значении для всего населения, а не отдельного слоя или прослойки.

Но назвав социализм «классовым обществом» и сохранив «диктатуру рабочего класса», Сталин автоматически перенес классовую надстройку на неклассовый базис. То есть, социализм, едва родившись, оказался связанным «смирительной рубашкой» не соответствующей себе надстройки, накрепко стеснившей его развитие. Ведь репрессии это не просто аресты, судебные дела, заточение, ссылки, расстрелы. Это – плата за попытку лучшего решения, за научное достижение, поступок совести. Это решение новых проблем, но – старыми приемами классовой борьбы, перенесенными из прежнего состояния в новое.

Проигрывали эту борьбу, как правило, люди порядочные, честные, новаторы в своем деле. Проигрывали тем, кто делал карьеру, преследовал личностный интерес, мстил за свои неудачи, бездарность, ущемленные или ущербные амбиции.

Перенос законов классовой борьбы в новые общественные отношения – это использование политической лояльности против профессионализма, показного пустозвонства – против делового подхода, партийного чванства – в противовес таланту, волевого стиля работы – в отместку совестливому. О, боже, сколько же мы потеряли гениев и талантов, изумительных находок и блестящих решений, суливших нам великую прибыль, быстрое восхождение к вершинам новой цивилизации! Если бы не извращение и не нагнетание классового подхода в бесклассовом обществе, навязанные нам Сталиным.

В 1917-м мы поднялись в революцию ради высвобождения живых сил истории. В 1937-38-м выпестованная Сталиным бюрократия и НКВД прошли по ним кривой репрессий и в последующем, не давая им ни взойти, ни вырасти, замкнула на себе успехи и выгоды общих побед. Если б не репрессии, мы прошли бы Великую Отечественную войну несравнимо быстрее и несравненно меньшей кровью. Если б не смирительная рубашка «диктатуры пролетариата», мы поднялись бы уже в высшую фазу коммунизма. Такова плата за измену марксизму, которую в скрытой форме осуществил И.Сталин ради личного всевластия. В вещественном и представительском оформлении облика социализма Сталин сделал рывок, но заморозил социальное развитие страны.

Все последующие генсеки лишь принимали подделку за подлинный марксизм, используя, однако, выгоды своего положения как данное. На том и захлебнулось коммунистическое движение в целом. Конечно, мы гордимся достигнутыми успехами социалистического строительства под руководством И.В.Сталина, но мы не знаем, каких высот мы достигли бы, будь он по-настоящему верен марксизму-ленинизму. В этом выразительная сила самого социализма, но не вождя.

И сейчас, пока мы не вернемся на идейные позиции классического марксизма, нам не видать ни объединения в партию, ни побед в строительстве нового общества. Поэтому отмежеваться от сталинизма – первейшая задача подлинных коммунистов сегодня, если они еще где-нибудь существуют. Ибо нельзя двигаться вперед, не выйдя из того тупика, в который нас завел ложный путь сталинской фальсификации.

Часть 3

Остается, однако, еще один сакральный вопрос: если репрессии были *не* санкционированы, а спровоцированы, то кто же собственно боролся между собой, если это были не классы?

Это были обыкновенные люди. В каждом из нас потенциально заложены способности и потребности, созидательное и потребительское начала. На них указал К.Маркс, формулируя ведущий принцип коммунизма.

Реализуя способности, человек затрачивает энергию. Удовлетворяя потребности, – восстанавливает ее. Но начала эти неуравновешенны. Они состоят в противоречивом единстве и борются между собой за то или иное свое превалирование в жизни индивида. Одно – за активное созидание, другое – за предпочтительное потребление. Одно – за общую пользу, другое – за личную выгоду. И одно из них побеждает чаще, доставляет большее удовлетворение, становится довлеющим. И в зависимости от того, какое из начал – способности или потребности – оказывается доминантным, человек выступает соответственно больше как созидатель или как потребитель.

Человек существенно есть то, с каким началом сознательно или бессознательно себя отождествляет: нравится ли ему больше раскрываться со стороны способностей или он предпочитает наивысшее удовлетворение потребностей. Состояние это может быть переменчиво, но переменчивость *тенденциозна* и колебания сходятся в *вектор*.

Коль скоро внутренняя борьба в человеке превращает его больше в созидателя или потребителя, то, выплескиваясь наружу теми или иными действиями (в пользу других или свою собственную), она предстает в обществе борьбой между созидателями и потребителями. Внутриличностный конфликт, таким образом, превращается в общественный. От противоположных начал в человеке мы приходим к полярным противоположностям в обществе.

Вся история, если мы оглянемся назад, есть непрекращающаяся, вялая или острая, с переменным успехом борьба между созидателями и потребителями, принявшая с течением времени классово-антагонистическую форму. Рабы и рабовладельцы, крепостные и феодалы, пролетарии и буржуа – суть созидатели и потребители, но в виде классов, т. е. с закрепленным в разной степени превышением одного начала над другим. Одни принудительно созидают, удовлетворяясь крохами. Другие живут в свое удовольствие, едва платя своим трудом. *Классы – это отчужденная и насильственно удерживаемая в своей полярности природа человека.*

Пролетарская революция при переходе к социализму уничтожила классовую принадлежность. Она всех сделала созидателями и потребителями одновременно. Но она не могла устранить основное противоречие человека, борьбу двух его ведущих начал. И борьба развернулась с новой силой.

Классики марксизма-ленинизма надеялись, что с уничтожением классов навсегда исчезнет непримиримая борьба в обществе, стоившая ему много сил в историческом развитии. Но оказалось, что классы – всего лишь следствие, а причина лежит в самих людях, в их противоречивой природе; что классовая борьба – лишь частный случай общеисторической борьбы созидателей и потребителей, собственно людей в сущностном выражении с людьми лишь по видимости, формальной принадлежности к виду.

Все революции делались обычно созидателями против потребителей и во имя созидания. Но затем, пока созидатели трудятся ради своего и общего блага, потребители, оглядевшись, вновь все прибирают к рукам: вещи, орудия, должности, власть. То же произошло и у нас. К моменту провозглашения социализма потребители уже были наготове.

Капиталисту, чтобы жить хорошо, при собственности не нужна карьера. В условиях социализма, при отсутствии классов и всеобщем социальном равенстве, либо труд /что дольше и тяжелее/, либо должностной рост /что легче и быстрее/ дают возможность улучшать свое мате-

риальное положение. Поэтому именно в управление в большей степени ринулись потребители,вширь и вверх занимая этажи надстройки.

Создалась чиновничья бюрократия, должностной рост в которой обусловлен более исполнительностью, чем инициативой, либо показной инициативой. Добавьте к этому, что в данной сфере большую роль играют не трудовые показатели, а умение определиться в жесткой конкуренции, поскольку вершин с продвижением вверх становится все меньше, а претендентов на них все больше. И вы поймете, что созидателям там не вмоготу и, чем выше пост, тем изощреннее в своем потребительском раже занимает его человек. Не зря многие великие мыслители мечтали об уничтожении государства. И ближе всех к этому моменту история поставила И.Сталина. Но вскормленный предвещающим временем борьбы, он не удержался от искушения властолюбием. Оставив себе «диктатуру», бессменность верховного лидерства, фактическую власть он отдал выпестованной им бюрократии. Потребители оккупировали надстройку.

Массовые репрессии явились первой крупной, мало осознаваемой схваткой между созидателями и потребителями в советском обществе. Вряд ли Сталин понимал ее. Но перевод ее в привычное русло классовой борьбы придал ей особо жестокую форму, прежде всего от потребителей, от которой в большей степени пострадали созидатели и настоящие коммунисты.

Не народ будто бы был распят коммунистическим режимом. Нет, это алчная порода потребителей, независимо от режима, занималась овладением свободного пространства против созидательной части общества. Отнюдь не от ненависти к ней, не по политическим мотивам. Просто из своей алчности и корыстолюбия. Помимо воли Сталина, но с позиции его непротивления.

Вторую, столь же крупную и откровенную схватку между созидателями и потребителями вызвал своей блудливой, неподготовленной «перестройкой» М.Горбачев. И такую же безоговорочную победу в ней одержали потребители. Однако если Сталин вынужденно отдал потребителям руководство страной, как это бывало и прежде, то Ельцин с Гайдаром и Чубайсом «по доброй воле» отдали страну на разграбление услужливому клану руководства.

Потребители из рабочих, крестьян, мелких служащих имели, разумеется, худшую стартовую позицию /к которой созидатели вообще не стремились/, худшую даже, чем у уголовников, быстро слившихся с партноменклатурой в экстазе свободного обогащения. Полученные в низах ваучеры имели значение морковки, чтобы те молчали, когда у них из-под носа дипломированные преступники увозят народное добро целыми составами. В результате, жертвы второй схватки, как и потери населения, превосходят первую в десятки раз.

Но роковую роль при этом опять-таки сыграла сталинская отнюдь не измена, а фальсификация марксизма.

Лишив догматиков-коммунистов правильных, научных представлений об исторических процессах, она обезоружила их в понимании навязанных им процессов. Подобно 1937-му, события «перестройки» и «радикальных реформ» они начали трактовать с позиций классового подхода и классовой борьбы. Фактически махинаторов и взяточников, наделенных властью и связями, они, вслед за вдохновителями «перестроечных реформ», начали именовать предпринимателями, коммерсантами, промышленниками, пытаясь преступную практику выдать за феномен появления новой буржуазии. И тем самым, вместо разоблачения, приняли участие в обмане и дезориентации народа. А заговорив о повторной социалистической революции, к обману добавили еще и нагнетание испуга. История, если что-то и повторяет из своих уроков, то скорее в порядке фарса.

А между тем, именно с позиций правильного применения классового подхода так называемые «новые русские» никак не могут претендовать на звание «класс». Где это видано, где это слышано, чтобы классы возникали не за тысячи и сотни лет, а, как по волшебству, – за 3-5 лет; чтобы состояния в миллионы и миллиарды сколачивались бы без наследства и преемственности за два месяца или года? Ну, загляните вы в социальное происхождение этих «гос-

под»: из рабочих, крестьян, интеллигенции. Спросите, наконец, декларацию о доходах: аферы, махинации, коррупция, жульничество, грабеж. Смеху подобно, когда вор заранее, до суда, сам, прикрываясь подписями, нередко поддельными, объявляет себя собственником краденого, а жертвы должны идти к нему в работники, да еще без права гарантированной оплаты.

Да можно ли быть настолько зашоренными, так отрываться от реальности, не видеть разницы между *исторической* /классовой/ и *юридической* /уголовной/ ответственностью, между революционной экспроприацией и конфискацией по решению суда, называть бандита, захватившего штурвал, капитаном корабля, мошенника – бизнесменом?

А коммунисты, на потеху своим ухмыляющимся противникам, все это перепутали, тем позволив им вжиться, закрепляться, не понимая при этом, что грабителям просто выгодно считаться классом, что благодаря этому, вместо того, чтобы быть преследуемыми по закону силовыми структурами, они получают моральное право, наоборот, использовать эти структуры для собственной защиты от народа.

Конечно, «реформы» задуманы потребителями и в интересах потребителей. Тех, что наверху. Чтобы от дозированных привилегий и скрытых накоплений, мертвеющих без движения при социализме, перейти к открытому праву ничем не ограниченной частной собственности, превратить награбленное богатство в наследуемый капитал.

Поэтому нет оснований говорить о классовом расколе в российском обществе. Три сотни олигархов, выходцев из властных органов по родственным связям, и двести тысяч мелких лавочников, играющих в законность с уличной преступностью, – это не класс. Как и интеллигенция, именующая себя «креативным классом», умеющая пользоваться словечками, какими ей выгодно, – тем более не класс, а лишь расфуфыренная, болтающая на исторических перекрестках блудница. Также и рабочие – не класс и, следовательно, не могут служить социальной базой для революции.

Протест по социальному составу может быть только всенародным и только через объединение *созидателей* из трудящихся слоев общества и выход действительных новаторов /рационализаторов и изобретателей/ в авангард созидательно-исторического творчества.

Но чтобы организовать этот позитивный народный протест (выборы подлинно коммунистического лидера в президенты, с заменой Госдумы Советами, реверсией собственности через судебное преследование государственных и уголовных преступников), необходимо разорвать цепь лжи, повязавшую коммунистов с преступным режимом. Не покаяние принести народу за грехи сидящей на его шее власти, а восстановление марксизма в исторических правах. С целью восстановления исторической преемственности развития общества. Тогда народ вновь обратит к ним свои надежды и взоры.

III. Почему не состоялся коммунизм

1. Кто виноват?

Коммунизм не выдумка Маркса. И – не мечта бедняков и нищих. Задавленные нуждой, они просто не могут знать, что это такое. Коммунизм также не есть сектантское дело коммунистов, уверовавших в свою освободительную миссию. Но он и не тупик, как думают ныне многие с подачи «либеральных реформаторов» /Гайдаров, Чубайсов и пр./ . Коммунизм – это дело истории, всех ее участников, если не сама история. Начавшись с первобытного коммунизма, она продолжается поныне как непрерывное его развитие к более совершенным, цивилизованным формам. Именно: *история и есть развитие коммунизма*.

Судите сами: производство растет, и с каждой новой эпохой количество сытых, обеспеченных и даже счастливых людей становится все больше. Уже в первобытном обществе, благодаря совместному производству, появляется излишек продукта, а вместе с ним и свободное время. Для игр, забав, любви, познания местности, размышлений о мире.

Но главным остается труд, и излишек растет. Накапливаясь, он приводит к обмену. Сначала – к случайному, потом – преднамеренному. И тут растет уже не свободное время для всех, а расслоение людей в результате потери власти над продуктом – на богатых и бедных. Излишек продукта, исчезая в одном месте, в аккумулятивной форме возникает в другом – в виде присвоенного, уже не всеобщего, а персонифицированного богатства.

По сути, коммунизм – это все увеличивающийся продукт производства, постоянно отчуждаемый в свою пользу отдельными представителями у всего общества. Он есть движение от всеобщего достояния к коммунизму для немногих. И рабовладение, феодализм, капитализм – лишь ступени этого движения, с дальнейшим ростом общественного продукта одновременно стремящегося и к коммунизму для всех. В определенном смысле поэтому, коммунизм – это изобретение богатых. Это они живут по принципу: трудясь по способности, получать по потребности. Естественно при недостаточном производстве – за чужой счет. Почему это происходит?

Довольно просто. Каждый из нас с вами рождается с одним, общим для всех, жизненным противоречием – между способностями и потребностями. Способности – это созидательное начало. Потребности – потребительское. Реализуя способности, мы отдаем энергию, тратим себя. Удовлетворяя потребности, – наоборот, возвращаем энергию, восстанавливаем себя. В первобытном обществе эти процессы были относительно уравновешены. Как и в природе. Но между ними всегда шла, идет и будет идти скрытая или явная, умеренная или острая борьба, в результате которой одно из начал постоянно или с переменным успехом берет верх над другим и в той или иной степени довлеет в человеке как психологическая, а затем и социальная доминанта поведения.

То есть, будучи по природе, созидателем и потребителем одновременно, кем-то из них человек выступает более определенно. Изначально, следовательно, все человеческое сообщество делилось и делится на созидателей и потребителей, с разной степенью активности. Маркс не дошел до материалистического понимания человека, но, сформулировав основной регулирующий принцип будущего коммунистического общества: «Каждый по способностям, каждому по потребностям», – дал ключ к такому пониманию. И теперь мы сознаем, что при всеобщем, заданном равенстве в первобытном обществе именно из потребителей складывались и поднимались в верхи общества всяческие угнетатели и эксплуататоры, тогда как созидатели постепенно опускались в его трудящиеся низы и составляли затем угнетенную массу.

Пока труженик трудится, потребитель все прибирает к рукам и, в конце концов, превращается в господина. Свободное время, сообщая отвоеванное людьми у природы, становится достоянием отдельных лиц и, принимая вещественную форму в виде богатства, ведет одного к господству, другого – к подчинению и порабощению. Это верно и для внутрисемейных отношений.

Но человечество погибнет, если так будет продолжаться и впредь. Потребители – это «черная дыра» в человеческом обществе. Сколь бы ни росла производительная мощь человечества, эта пасть ненасытна. И мировое господство потребителей приближает час всеобщей катастрофы. Природа уже не справляется с их аппетитами. И это не прогноз. Это – диагноз.

А между тем, уже сегодня при нынешнем уровне производства коммунизм мог бы быть фактически введен декретом по всему миру /нет только мирового правительства для этого/. Посмотрите, какие колоссальные богатства сконцентрированы у отдельных государств, отдельных классов, отдельных персон. Какие огромные, хорошо оплачиваемые армии военных, полицейских, разведывательных сил, и с каким дорогостоящим оружием стоят они на их защите, в сущности, бесполезно изводя громадные ресурсы. Какие армии управленческой бюрократии, obsługi властей и капиталов, лживых радетелей истины в печатных и электронных СМИ, благополучно устроившихся на плечах трудящихся, производят фетиши и фикции, чтобы оправдывать и маскировать выгодный им порядок. Суммируйте это – и вы поймете, что с помощью лишь организационной перестройки /хотя бы всеобщего разоружения, сбалансированной переориентации производств, перераспределения потоков инвестиций и продукта/, можно было бы повсеместно в мире перейти к физиологическому обеспечению людей по потребностям и к 2-3-часовому рабочему дню всего два-три раза в неделю.

Речь не о том, чтобы «все отнять и поделить». Человечеству, дабы жить в довольстве, надо гораздо меньше того, что оно уже производит. Коммунизм поэтому не только возможен – он фактически обеспечен! Но он потому и не состоялся, не состоялся для всех, что его опять присвоили «избранные». Если прежде его отнимали у масс господствующие, эксплуататорские классы, то в наше время это осуществляла политическая и чиновничья элита, номенклатурная бюрократия, использовавшая свое положение в личных целях. Общий для всех, он был ей так же не нужен, как и прежним властителям, поскольку собственные потребительские амбиции значили для нее больше, чем общественные нужды. И все же привилегии, которые она имела, не идут ни в какое сравнение с тем ограблением народа, которое она же и совершила под предлогом так называемых либеральных реформ.

Именно те, кто больше был ответствен за сохранность народной собственности, оказались главными ее расхитителями. У них были знания, служебные связи, знакомства, информация, печати и, самое главное, время, чтобы осуществлять свои замыслы. Тогда как рабочим надлежало отработать смену и успеть восстановиться, чтобы завтра повторить прошедший день. Поэтому заверения Чубайса о равных стартовых возможностях в приватизации были лицемерной ложью не экономиста даже, а уличного напёрсточника. Именно в реформах номенклатурная братия показала свое подлинное лицо, припудриваемое бесконечным словоблудием, доказывая при этом, что представляет собой далеко не высшие, по нравственности, слои общества.

В известном смысле, конечно, виноваты все. Но одно дело, когда рядовой работник гонит брак, а, получая зарплату сполна, тем самым ворует у общества его благополучие, бесполезно сжигая сырье, материалы, энергию, и совсем другое – когда таким «сжиганием» занимается начальник. Работник часто вынужден делать так, а не иначе, находясь под прессом условий, приказов, системы управления. Приведу в подтверждение памятный многим «порядок». Он поможет понять, кто более и каким образом виноват в нашем провале и падении.

Вот имеется ставка и норма выработки. Работник при выполнении нормы получает, скажем, 100 руб. в месяц. Но заработка не хватает, и труженик стремится перевыполнить задание.

Когда же это становится более частым, а потом и более массовым /ведь жить лучше хотят все/ явлением, администрация предприятий, опираясь на директивы и возрастающие планы сверху, повышала нормы выработки и соответственно автоматически снижала расценки на выпускаемую продукцию. Труженик как бы вновь возвращался к тем же 100 руб.

Но ведь потребности его не уменьшились, а увеличились. Человек растет, взрослеет, вступает в брак, в браке рождаются дети, дети тоже растут. И с течением времени под давлением этих обстоятельств он вновь приравнивался к заданным нормативам и начинал их перевыполнять. Администрация тоже не унималась и вновь производила пересмотр нормативов и расценок.

Где-то это происходило чаще, где-то реже; где-то – умереннее, где-то – резче. Но именно эта практика, получившая широкое распространение, стала детонатором к новочеркасским событиям 1962 года, когда впервые выступила, но была расстреляна демонстрация трудящихся.

Общая напряженность неизбежно должна была взорваться в каком-то определенном, сфокусировавшем отрицательные действия месте. Так в экономику ворвались стихия протеста и сила оружия.

Казалось бы, экономистам пора задуматься. Но нет, обслуживающие политику ученые почти хором вещают: «Зарботная плата не должна расти быстрее производительности труда». На самом деле они просто путают производительность труда с «механической выработкой» и больший результат стремятся получить за счет возрастания напряженности труда путем насильственного урезания заработной платы.

Снижая оплату, они побуждают человека к интенсификации труда, а не к повышению производительности. А ведь еще Ленин писал: *«Мы видели, до каких безобразных притеснений рабочих дошли наши фабриканты в 80-х годах, как они превратили штрафы в средство понижения заработной платы рабочим, не ограничиваясь одним понижением расценки. Гнет капиталистов над рабочими дошел до своего высшего развития»* (1). Вот так: идейные наследники Ленина, считающиеся учеными, пошли по пути фабрикантов конца XIX столетия. В итоге началось фактическое обесценение труда, нередко приводящее рабочих к стрессам и нервным срывам.

Однако отрицательному воздействию подверглось и качество продукта. Время, как и вода, физически несжимаемо. Если вам увеличили норматив выработки на ту же единицу времени, без технического усовершенствования, полагаясь только на двигательное ускорение, то, как бы ни росло ваше мастерство при заданной интенсификации труда, рано или поздно наступает предел человеческим возможностям, и работник вынужден тогда либо жертвовать своими интересами, либо искать другой выход. И на подсознательном уровне, чем больше его «ускоряют», тем бережнее он вынужден тратить себя. Что-то пропускает в работе, недоделывает в продукте. В результате, вместе с ростом количества выпускаемой продукции происходит снижение ее качества.

Но это не было потерей в никуда. В обществе, как и в природе, что-либо ниоткуда не берется и никуда бесследно не исчезает. Это было вынужденной, скрытой формой потребления продукта еще до того, как он будет произведен. Раз человек что-то недополучал в зарботке, то он, естественно, недодавал в процессе самого труда. На увеличение норматива «платил» экономией трудозатрат. Давал продукта больше, но худшего качества.

И все же больше страдал труженик. Выходя за двери проходной, он превращался в покупателя того самого, отчасти уже потребленного продукта, который естественно ему не нравился. Снижение качества оборачивалось соответствующим возрастанием дефицита. И то, что труженик получал в счет приработка за перевыполнение нормы, он вынужден был отдавать потом в качестве переплаты спекулянту, государству, повышающему цену на качественный продукт. Или – полезным, помогающим в приобретении желаемого товара людям.

Прямым образом – от трудовых усилий – жизнь людей уже не улучшалась. У государства же на складах скапливались огромные массы никому не нужных товаров, которые, обесцениваясь, составляли чудовищные потери общественного труда, которые, в свою очередь, удваивались, утраивались оттого, что люди, изготовившие этот продукт, тоже получали заработную плату, премии, фонды. Страна практически держалась на все убывающем количестве стойких, действительно ценных работников. Но чем напряженнее она работала, тем становилась беднее. Поскольку львиная доля труда попросту вылетала в трубу. Отовсюду шли рапорты о перевыполнении планов, и везде – опустошающиеся полки магазинов. Но если бы только...

Возникла громадная текучесть кадров, и люди, многократно меняя работу, трудились уже не там, куда их влекли способности, а там, куда их толкали потребности. И практически страна, строящая коммунизм, перестала получать удовольствие от труда.

Человек находился под стрессом потребительского пресса. Убеждаясь в невозможности заработать желаемый достаток честным, прямым, трудовым путем, он стремился ко всяческим левым, теневым, обходным путям. Не гнушался приписок, обманов и даже воровства. Заводил неуставные отношения с мастером, бригадиром, контролером и другими полезными людьми, предпочитая улучшению показателей в работе карьерные подвижки: разряды, должности, звания. В его отношения проникал дух делячества, корыстной расчетливости, продажности. Все честное и передовое в этой атмосфере испытывало стресс отчуждения, прессинг враждебности, неприятие и отторжение. Происходило выхолащивание социалистических идеалов. Революция, победившая, казалось бы, во имя трудящихся, начала отступать от своих целей и глотить собственные корни.

А в это время всяческие Бурбулисы и Гайдары, Шаталины и Явлинские, Лившицы и Чубайсы, Ясины и прочие Гавриилы Поповы, будущие буревестники либерализма, делают карьеры. Они всю жизнь делают карьеру. С первого класса школы! Бойтесь таких доброхотов! Они рассматривают экономику *в отрыве от человека* и вне связи с ним, как замкнутую, самодовлеющую систему, как вещь в себе, защищают кандидатские и докторские диссертации (разумеется, на почве «марксизма»), с невинной целью освятить экономический разбой партийной, государственной и научно-академической элиты, слившейся между собой в экстазе привилегированного потребления. Практика накачки нормативов и обесценения труда загоняет *экономику в тупик*, но не подвергается сомнению.

Однако в еще более глубокий тупик загоняется человек. Когда повышались нормы выработки и снижались расценки, тем самым естественно возрастали нагрузки, становясь запредельными. Происходило ускоренное снашивание рабочей силы. Каждодневная усталость, накапливаясь, принимала хроническое значение. Хроническая, в свою очередь, ускоряла и усиливала каждодневную, налагаясь одна на другую уже не через 4-5, а через час-два. Вырваться из этого порочного круга могли помочь только выпивка или болезнь.

Выпивка, однако, легко превращается в болезнь. Сначала на нее тратится именно приработок. Затем, когда возникает привычка, прихватывается и заработок. С превращением выпивки в пьянство не хватает уже и заработка. Угнетение субстанциальности человека обобщается ее разрушением. Это неверно, когда говорят, будто пьянство есть выражение социального протеста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.